

Производство и обращение в простой меновой экономике



**Александр Дмитриевич
НЕКИПЕЛОВ**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: nekipelov@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0001-6211-3009; ResearcherID: K-5835-2013

Аннотация. Статья носит методологический характер: её первоочередная задача — не анализ новых хозяйственных явлений, а изучение того, каким образом они формировались и развивались, а вместе с ними формировалась и развивалась рыночная система. Непосредственным предметом исследования выступает модель простой меновой экономики на этапе, когда производство начинает рассматриваться как её эндогенный фактор. Это позволяет естественным образом ввести в анализ общественное разделение труда, рассмотреть в простейшей форме проблему его сочетания с дифференциацией производственных функций в рамках индивидуального хозяйства. Большое внимание уделено анализу социально-экономических последствий углубления общественного разделения труда, проявляющегося в превращении производства предметов и средств труда в его самостоятельные звенья. Показано, почему именно на этой стадии исследования появляется возможность обосновать механизмы формирования рыночной меновой ценности потребительских благ длительного пользования и средств труда, как следствие, процентной ставки. Введение в анализ фактора ограниченности ресурсов позволяет обосновать необходимость возникновения института собственности на такие ресурсы, важность для нормального функционирования рыночной экономики абсолютной и дифференциальной природной ренты, выявить специфику формирования рыночной меновой ценности земли. Подчёркнута важность для чистой экономической теории сделать полноценным предметом анализа пространственное измерение экономики, высказаны соображения о возможном подходе к формулированию исходной модели, позволяющей учитывать влияние пространства на общие параметры экономической активности. Основной вывод состоит в том, что модель простого менового хозяйства даёт возможность получить целостное представление обо всех ключевых категориях (пусть и в

Для цитирования: Некипелов А.Д. (2022). Производство и обращение в простой меновой экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 58–74. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.3

For citation: Nekipelov A.D. (2022). Production and circulation in a simple exchange economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends Forecast*, 15(3), 58–74. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.3

зародышевых формах), отражающих действие рыночного механизма. Одновременно становится ясным, почему для реализации всех потенций, имеющихся у этой формы организации хозяйственной деятельности, требуются дальнейшие институциональные преобразования.

Ключевые слова: простая меновая экономика, общественное разделение труда, сравнительные преимущества, пространственное измерение общего равновесия, природная рента, процентная ставка, целевая функция индивидуального производителя.

Превращение производства в эндогенный фактор модели простого менового хозяйства

Анализ экономики «чистого обмена» (Некипелов, 2021б) позволил определить причины, побуждающие свободных индивидуальных экономических агентов вступать в меновые отношения друг с другом, дал возможность получить исходное, сущностное представление о таких важнейших явлениях и характеристиках рыночной экономики, как текущий и трансвременной обмен, меновая ценность, общее равновесие, конкуренция, системные (в том числе транзакционные) издержки. Превращение сферы производства из экзогенного в эндогенный фактор модели экономики, основанной на натуральном обмене, представляется естественным следующим шагом в рамках исследования, базирующегося на парадигме «чистой экономической теории» (Некипелов, 2019а).

На этой новой ступени анализа появляется возможность прояснить факторы, приводящие к формированию и непрерывному углублению общественного разделения труда, вскрыть особенности возникающих на этой основе производственных взаимосвязей, обогатить представление о явлениях и характеристиках меновой экономики, выделенных на предшествующем этапе.

Отправным пунктом анализа выступает модель, в которой индивидуальные экономические агенты производят все необходимые для их существования потребительские блага, а в дальнейшем используют товарный обмен как инструмент, позволяющий дополнительно повысить уровень благосостояния. Собственно анализ начинается с постановки вопроса о том, могут ли эти субъекты экономической жизни добиться ещё больших результатов, приняв в расчёт уже на стадии формирования своей производственной программы возможности, открываемые отношениями обмена?

Природа общественного разделения труда Основы общественного разделения труда

Итак, мы исходим из того, что в рассматриваемой экономике имеется m экономических агентов, каждый из которых автономно производит в некотором количестве $x_i \geq 0$ ($i = 1, \dots, n$) все потребительские блага. Такое предположение означает, что их производственная деятельность охватывает все звенья технологической цепочки от добычи природных ресурсов до выпуска конечной продукции потребительского назначения.

Вообще говоря, каждому из звеньев любой такой цепочки соответствует своя производственная функция. Однако мы, для простоты, будем первоначально считать, что все упомянутые цепочки являются однозвенными, то есть имеется единственная производственная функция, связывающая выпуск потребительского блага с применяемыми природными ресурсами и трудовыми усилиями экономического агента. По этой же причине первоначально будем предполагать, что используемые факторы производства ограничиваются трудом и природными ресурсами, причём последние являются неограниченными.

Первая из стоящих перед нами задач заключается в том, чтобы с опорой на результаты, полученные при анализе моделей робинзонады и чистого обмена, выявить силы, приводящие к формированию общественного разделения труда.

Естественно, будем исходить из того, что целевая функция субъекта экономической деятельности состоит в максимизации уровня собственного благосостояния:

$$\max U(x_1, \dots, x_n) \quad (1)$$

При этом экономический агент должен считаться с тем, что меновая ценность производимых благ y_1, \dots, y_n должна равняться меновой ценности благ x_1, \dots, x_n , которыми он будет об-

ладать после обмена, а суммарная величина времени $\sum_i t_i$, затрачиваемого на производство каждого блага, – общей продолжительности трудового периода:

$$\sum_i [y_i(t_i) - x_i] \cdot EV_i = 0 \quad (2)$$

$$T - \sum_i t_i = 0, \quad (3)$$

где EV_i – меновая ценность i -го блага.

Для нахождения необходимых условий максимума целевой функции приравняем к нулю первые частные производные функции Лагранжа:

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial x_i} = \frac{\partial U}{\partial x_i} - \lambda_1 \cdot EV_i = 0 \quad (4)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial t_i} = \lambda_1 \cdot \frac{dy_i}{dt_i} \cdot EV_i - \lambda_2 = 0 \quad (5)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial \lambda_1} = \sum_i [y_i(t_i) - x_i] \cdot EV_i = 0 \quad (6)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial \lambda_2} = T - \sum_i t_i = 0 \quad (7)$$

Из уравнения (4) следует известный вывод, согласно которому в оптимальном положении предельная норма замещения одного блага другим должна равняться обратному соотношению их меновых ценностей: $\frac{\partial x_j}{\partial x_i} = \frac{EV_i}{EV_j}$.

Однако особого внимания заслуживают уравнения (5). Рассматривая их, мы, прежде всего, можем заключить, что выпуск должен быть организован таким образом, чтобы предельный ценностной продукт труда $\frac{dy_i}{dt_i} \cdot EV_i$ оказался равным соотношению множителей Лагранжа λ_2 (представляет предельную полезность времени производственной деятельности) и λ_1 (представляет предельную полезность меновой ценности). При этом принцип формирования структуры выпуска, позволяющий экономическому агенту достичь такого результата, сводится к следующему.

Стремясь максимизировать совокупную меновую ценность, он должен начать с вида деятельности, характеризующегося наивысшим предельным ценностным продуктом труда, или, что то же, наименьшим соотношением удель-

ных затрат времени на производство к меновой ценности $\frac{a_i(t_0)}{EV_i}$, где t_0 – нулевой момент времени.

Если производительность труда по всем продуктам является неизменной на протяжении всего периода работы T , то есть если $\frac{dy_i}{dt_i} = \frac{1}{a_i} = const$, то экономический агент должен целиком сконцентрироваться на производстве избранного с самого начала товара и вести его до тех пор, пока этот показатель не сравняется с предельной полезностью досуга. Сразу же заметим, что в данном случае мы приходим к результату, соответствующему знаменитой теории сравнительных преимуществ (издержек) Торренса – Рикардо (Torrens, 1808, р. 37; Ricardo, 1817, pp. 160–162), которая, как известно, была разработана для условий международной торговли.

Ситуация оказывается более сложной, если функции предельных продуктов труда, прилагаемого в производстве различных благ, являются переменными, например, убывающими в силу накапливающейся у производителя усталости. В этом случае возможна ситуация, когда в определённые моменты рабочего периода сравнительные преимущества будут переходить от одного продукта к другому. Тогда и только тогда экономическому агенту придётся распределять рабочее время между производством более чем одного товара.

Как бы то ни было, решение системы уравнений (4) – (7) позволяет получить векторы выпускаемой (вектор y), потребляемой (вектор x), а следовательно, и обмениваемой (вектор $z = x - y$) продукции.

Вернёмся к ситуации с фиксированными уровнями производительности труда в выпуске всех благ. Пусть удельные затраты времени на производство потребительских благ k -того субъекта экономической деятельности заданы вектором (a_1^k, \dots, a_n^k) , а сложившиеся в ходе предшествующих актов «случайного обмена» меновые ценности благ – вектором $(1, EV_2, \dots, EV_n)$ (первое благо является товаром-счётчиком). Тогда, как мы видели, рассматриваемому экономическому агенту следует специализироваться на производстве того блага, для которого характерно наименьшее соотношение $\frac{a_i^k}{EV_i}$:

в этом случае альтернативные («окольные») издержки¹ получения любого другого блага j окажутся меньше прямых:

$$a_{j'}^k = a_i^k \cdot \frac{EV_j}{EV_i} < a_j^k, \quad (8)$$

где $a_{j'}^k$ – альтернативные, a_j^k – прямые удельные затраты получения j -го блага k -м производителем.

Несложно заметить, что в этой модели, где единственным ограниченным фактором производства является труд (точнее, время, выделяемое экономическим агентом на трудовую деятельность), в равновесном положении соотношения удельных альтернативных (трудовых) издержек получения благ через обмен и прямых (трудовых) издержек производства товара, на котором специализируется экономический агент, оказываются равными соотношению меновых ценностей этих благ:

$$\frac{a_{j'}^k}{a_i^k} = \frac{EV_j}{EV_i} \quad (9)$$

Конкретный вид труда, затрачиваемый на производство товара i , с точки зрения производителя k , приобретает в условиях меновой экономики особое свойство. Продуктом этого вида трудовой деятельности оказывается любой товар: непосредственно – тот, что производится, а опосредованно – благодаря обмену – любой другой. В этом отношении напрашивается аналогия с абстрактным трудом, как его определял К. Маркс (Маркс, 1961, с. 47). Однако у такой аналогии есть и существенные ограничения. У К. Маркса абстрактный труд – это то общее, что есть у всех видов труда всех экономических агентов. Такой труд в трудовой теории стоимости рассматривается как основа внутренне присущей любому товару особой социальной субстанции – стоимости, которая, в свою очередь, находит внешнее проявление в пропорциях обмена. В рамках излагаемого нами подхода у каждого производителя, образно говоря, свой «абстрактный труд» и, соответственно, своя «стоимость» товаров. Более того, этот индивидуально-абстрактный труд оказы-

вается таковым только благодаря тому, что уже существуют пропорции обмена (меновые ценности).

Динамика общественного разделения труда: причины и следствия

Превращение предметов труда в товар

Вернёмся к нашему допущению, что природные ресурсы отделены от потребления лишь одним технологическим переделом. Фактически ему соответствует ситуация, когда производственная деятельность человека сводится к «собирачеству» – сбору предметов потребления, данных ему природой. Переход к самостоятельному производству потребительских благ предполагает существование, как минимум, двух технологических звеньев. Первое из них состоит в отделении от естественной природной среды тех или иных её элементов (например, древесины, угля, руд). Второе и возможные последующие звенья связаны с переработкой полученного на первом этапе сырья в конечную продукцию.

Непрерывное усложнение структуры общественного производства – вначале в результате формирования двухзвенной технологической структуры, а затем и её непрерывной дифференциации, проявляющейся в возникновении всё новых и новых переделов, – становится, как известно, неизбежным следствием появления новых, более совершенных технологий. Но тогда возникает вопрос: должен ли индивидуальный субъект экономической деятельности по-прежнему брать на себя всю работу по созданию потребительского блага или ему разумнее будет сосредоточиться на отдельных технологических переделах?

В сущности, этот вопрос давно является предметом интереса со стороны экономистов-теоретиков. Так, К. Маркс отмечал закономерный характер отпочкования внутренних производственных функций в самостоятельные звенья общественного разделения труда (Маркс, 1961, с. 363–372), а Р. Коуз выдвинул идею о том, что граница между внутрифирменным и общественным разделением труда проходит там, где предельные транзакционные издержки, связанные с сокращением ареала производственной деятельности фирмы, оказываются равными предельным управленческим расходам, сопутствующим его расширению (Coase, 1937).

¹ То есть издержки, связанные с получением блага j через обмен, а не в результате его производства k -м экономическим агентом.

На уровне простой экономической модели, являющейся предметом нашего рассмотрения, мы должны прежде всего раскрыть механизм, регулирующий участие предметов труда в меновых сделках. Дело в том, что этот вид продукции непосредственно не удовлетворяет человеческих потребностей, а потому пропорции, в которых соответствующие блага обмениваются на другие, не могут основываться на предельных оценках полезности.

В микроэкономической теории по этому поводу сформировалась ясная позиция: участие факторов производства (в том числе предметов труда) в обмене связано со спросом производителей, который, в свою очередь, имеет производный характер по отношению к спросу на продукцию потребительского назначения, выпускаемую с участием этих факторов производства. Для обоснования данного вывода используется модель максимизации целевой функции экономического агента (обычно фирмы). Нам предстоит лишь применить этот подход к модели простой меновой экономики.

Пусть индивидуальный экономический агент, специализирующийся на последнем технологическом переделе, ведущем к созданию потребительского блага, может получить необходимый предмет труда через обмен. При этом в силу стремления к максимально высокому уровню удовлетворения собственных потребностей он заинтересован в выборе такой комбинации факторов производства (здесь – услуг труда и предметов труда), которая обеспечит ему максимизацию чистой меновой ценности производимой продукции (валовой меновой ценности за вычетом меновой ценности предметов труда, использованных в производстве):

$$\begin{aligned} \text{Max } NEV = & Y(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}) \cdot EV_{CG} - \\ & - \sum_{q=1}^Q x_{RM_q} \cdot EV_{RM_q}, \end{aligned} \quad (10)$$

где NEV – чистая меновая ценность, x_L^0 – услуги труда, выполняющие роль параметра в производственной функции индивидуального производителя, $x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}$ – использованные в производстве виды сырья (предметов труда), $Y(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q})$ – производственная функция, EV_{CG} – меновая ценность потребительского блага, EV_{RM_q} – меновая ценность q -го вида сырья.

Необходимым условием наличия максимума у этой функции является равенство предельного ценностного продукта предмета труда его меновой ценности: $\frac{\partial Y}{\partial x_{RM_q}} \cdot EV_{CG} = EV_{RM_q}$. При заданной производственной функции отсюда следует, что спрос экономического агента на предмет труда является функцией собственной меновой ценности последнего, меновой ценности других видов сырья, а также меновой ценности конечного продукта (здесь – потребительского блага):

$$x_{RM_q}^* = x_{RM_q}^*(EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_{CG}) \quad (11)$$

Что касается «предпоследнего» технологического передела, то спрос на используемые предметы труда будет непосредственно определяться спросом на его продукцию со стороны «последнего» передела и, опосредованно, спросом на производимое в рамках последнего передела потребительское благо. Иными словами, по мере удаления от конечного звена технологической цепочки спрос на промежуточную продукцию будет всё более опосредованно зависеть от спроса на потребительскую продукцию, но связь эта при всех условиях будет сохраняться.

Коль скоро имеется ясный механизм формирования спроса на промежуточную продукцию, решение экономического агента, действующего в рамках рассматриваемой экономической модели, о сфере специализации может быть исчерпывающим образом объяснено при помощи теории сравнительных издержек. Отличие по сравнению с изложенным ранее алгоритмом состоит лишь в том, что для индивидуального производителя заметно расширяется сфера выбора: теперь он может специализироваться на производстве не только отдельных потребительских благ, но и предметов труда.

Следует обратить внимание на то, что предложение промежуточной продукции (а оно является оборотной стороной специализации) всегда исходит от предыдущего, по отношению к сфере его применения, звена технологической цепочки. Как известно, соответствующая функция получается посредством замены в производственной функции факторов производства как независимых переменных функциями спроса на них (это обеспечивает неиз-

менное соответствие величины выпуска задаче максимизации целевой функции экономического агента):

$$Y^* = Y \left[x_L^0, x_{RM_1}^*, \dots, x_{RM_q}^* \right], \quad (12)$$

где Y^* – функция предложения (в данном случае – промежуточной продукции).

Возникает вопрос: следует ли из тезиса о применимости теории сравнительных издержек к решению вопроса о специализации индивидуального производителя вывод, что трудовая деятельность последнего должна ограничиваться только одним звеном в технологической цепочке? Эту проблему можно сформулировать и иначе: как в рамках рассматриваемого подхода и при принятых в его рамках ограничениях (в частности, при анализе проблемы применительно к условиям полной определённости) можно объяснить тот факт, что на практике экономические агенты практически никогда не ограничивают свою производственную активность выполнением одной технологической операции? Понятно, что при любой формулировке речь идёт об определении границы между общественным разделением труда и внутрихозяйственным разделением производственных функций.

Пусть имеется m видов предметов потребления и Q видов промежуточной продукции, являющихся результатом однородных технологических процессов; соответственно, общее количество производимых продуктов составляет $n = m + Q$. Исходим, далее, из того, что численность экономических агентов N превышает количество производимых продуктов n , а каждый из производителей обладает принципиальной способностью изготавливать любой из видов продукции. Соответственно, производственная функция k -того производителя в j -м виде деятельности имеет вид $Y_j^k = Y_j^k(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q})$, $j = 1, \dots, n$.

Очевидно, что в соответствии с принципом сравнительных издержек выпуск более одного товара оправдан только тогда, когда удельные затраты времени² на единицу «чистой меновой

² В случае переменных коэффициентов затрат следует внести коррективы, о которых шла речь в начале раздела.

ценности»³ оказываются одинаковыми для нескольких видов продукции. Но при этом следует иметь в виду, что сама величина удельных затрат a_i находится под воздействием сил, вызываемых процессом специализации, причём направленных противоположно. Позитивный эффект более высокого уровня специализации связан с тем, что производитель получает возможность повысить уровень профессионального мастерства в избранных видах деятельности и минимизировать затраты времени, связанные с переходом от одного из них к другому. В то же время как на стороне производства, так и в институциональной области обнаруживается действие сил противоположного характера. Первые связаны с пространственным рассредоточением производства в условиях специализации и, как результат, с увеличением транспортных издержек⁴. Вторые – с возрастанием трансакционных издержек – затрат времени на заключение рыночных сделок вследствие увеличения количества последних. Как всегда бывает при наличии таких «разменов», производитель должен стремиться к тому, чтобы предельные выгоды от усиления специализации оказались равными предельным издержкам, сопровождающим этот процесс.

Указанный вывод очевидным образом соизвучен с идеей Коуза. Но есть и отличие. Фирма, в противовес индивидуальному экономическому агенту, имеет принципиальную возможность привлекать требуемые по качеству факторы производства (в том числе рабочую силу) для любых производственных процессов. В этих условиях значение фактора сравнительных преимуществ в значительной степени нивелируется. В то же самое время, если отвлечься от вопроса о доступности капитала, фирма в отличие от индивидуального производителя имеет возможность практически бесконечно масштабировать выпуск по любому направлению. А в таких условиях существенное значение неизбежно приобретает вопрос об издержках управления крупными производственными

³ Имеется в виду меновая ценность поставленного на рынок продукта за вычетом меновой ценности приобретённых на стороне предметов труда, применявшихся в производстве.

⁴ Более подробно о роли пространственного фактора речь пойдёт ниже.

структурами. Его своеобразный аналог в условиях индивидуального производства – потери, связанные с необходимостью переключения от одного вида деятельности к другому – имеет существенно меньшее значение.

Заметим, что отмеченные отличия имеют большую значимость с методологической точки зрения, т. к. подтверждают, сколь важно анализировать не только состояние, в котором экономическая система находится в тот или иной период, но и её развитие.

Превращение потребительских благ длительного пользования и средств труда в товар

В мире товаров особое место занимают потребительские блага длительного пользования и средства труда: в отличие от обычных товаров полезный эффект от их действия (соответственно, в сфере потребления и производства) растягивается на более или менее продолжительное время, а не является одномоментным. В силу этого обстоятельства такие товары становятся носителями двух меновых ценностей – меновой ценности услуг, предоставляемых ими в течение единичного отрезка времени (текущая меновая ценность), и меновой ценности потока услуг за весь период их функционирования (трансвременная, или товарная, меновая ценность). Первый вид меновой ценности реализуется в рамках отношений аренды, второй – меновой сделки, сопровождающейся сменой собственника соответствующего продукта.

Текущий спрос предьявляется **на услуги** товаров длительного пользования. Рассмотрим особенности такого спроса вначале применительно к потребительским благам длительного пользования («капитальным благам»), а затем – применительно к средствам труда.

Функция спроса на услуги блага длительного пользования $t + 1$ будет иметь следующий вид: $x'_{m+1} = x'_{m+1} (EV_1, \dots, EV_m, EV'_{m+1}, NEV)$, где x'_{m+1} – спрос на услуги $t + 1$ -го блага (капитального блага), EV'_{m+1} – меновая ценность услуг капитального блага, NEV – чистая меновая ценность благ (блага), на производстве которых (которого) специализируется рассматриваемый экономический агент⁵. Как и в случае

⁵ Этот показатель является аналогом дохода потребителя в денежной экономике.

с обычными благами, функция формируется таким образом, чтобы максимизировать функцию полезности потребителя. Соответственно, желаемая величина услуг этих благ будет устанавливаться потребителем на таком уровне, чтобы предельная норма их замещения товаром-счётчиком равнялась их меновой ценности (арендной плате).

Спрос на услуги средств труда подобно спросу на предметы труда формируется таким образом, чтобы максимизировать целевую функцию индивидуального производителя. Последняя в рассматриваемых условиях будет иметь следующий вид⁶:

$$Max NEV = Y_i (x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}, x'_K) \cdot EV_i - \sum_{q=1}^Q x_{RM_q} \cdot EV_{RM_q} - x'_K \cdot EV'_K, \quad (13)$$

где Y_i – выпуск продукции, на которой специализируется экономический агент, EV_i – меновая ценность единицы производимого товара, x'_K – величина услуг применяемого средства труда (физического капитала), EV'_K – факторная меновая ценность (меновая ценность услуг) капитала. Соответственно, одним из необходимых условий максимума у этой функции является равенство предельной ценностной услуги средства труда её меновой ценности: $\frac{\partial Y_i}{\partial x'_K} \cdot EV_i = EV'_K$. Сама же функция спроса на услуги средства труда имеет следующий вид:

$$x'_K = x'_K (EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_i, EV'_K) \quad (14)$$

Экономический агент выбирает капитальное потребительское благо или средство труда в качестве объекта специализации точно таким же образом, как и любое другое благо: для него важно, чтобы отношение удельных затрат на производство к его **товарной** меновой ценности было наименьшим. Иными словами, субъект экономической деятельности будет производить товар K длительного пользования только в том случае, если $\frac{a_k}{EV_K} = \min \left\{ \frac{a_1}{EV_1}, \dots, \frac{a_n}{EV_n}, \frac{a_k}{EV_K} \right\}$.

⁶ Для простоты предполагаем, что экономический агент специализируется на выпуске одного вида продукции.

Соответственно, функция индивидуального предложения таких благ будет иметь следующий вид:

$$y_K^* = y_K^*(EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_i, EV_K) \quad (15)$$

Сложилась, казалось бы, противоречивая ситуация: спрос предъявляется на услуги товаров длительного пользования (см. формулу (14)), а предложение формируется в отношении самих этих товаров (см. формулу (15)). Но мы должны иметь в виду, что величина услуг товара длительного пользования производна от его количества. Иными словами, для того чтобы получить в течение рассматриваемого периода времени услуги блага, необходимо его наличие в количестве x_K . С учётом этого становится понятен и процесс формирования товарной меновой ценности продукции длительного пользования.

Рыночная функция предложения таких товаров складывается из индивидуальных функций предложения экономических агентов; точно так же рыночная функция спроса на их услуги складывается из соответствующих индивидуальных функций. Поскольку удовлетворение спроса на услуги предполагает наличие предложения $y_K = x_K$ самих этих товаров, постольку в процессе рыночного взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности **одновременно формируются** равновесные уровни спроса на их услуги, производства (предложения) этих товаров, а также меновая ценность их услуг и их товарная меновая ценность. При этом меновая ценность услуг капитальных благ, опирающаяся на относительную предельную оценку их полезности, **логически первична** по отношению к товарной меновой ценности: первая вводится в анализ ещё на стадии анализа модели чистой торговли, а вторая — только при учёте условий, складывающихся в сфере производства.

Проблемы, связанные с анализом процесса производства и обращения товаров длительного пользования, на этом не заканчиваются. В объяснении нуждаются причины, по которым тот или иной экономический агент берёт на себя функции инвестора, неизбежно востребуемые в связи с производством и обращением таких товаров. Инвестором оказывается производитель, если он соглашается передать

потребителю товар длительного пользования на основе аренды на весь срок его существования. Роли переменяются, если потребитель согласится на сделку, в рамках которой товар перейдёт в его собственность.

Эта проблема разрешается на основе кредитных отношений, причём кредитором может быть как внешний по отношению к участникам обмена экономический агент, так и один из них. Если третье лицо предоставляет кредит производителю товара длительного пользования, то последний без ущерба для себя может пойти на установление арендных отношений с потребителем. И, напротив, если кредит предоставляется потребителю, то он оказывается готов для приобретения товара в собственность. При отсутствии внешнего кредитора его функции неизбежно будет выполнять один из участников обмена.

Если производитель соглашается передать потребителю товар длительного пользования на основе аренды на весь срок его существования, то он де-факто становится кредитором: ведь этот случай равносителен заключению двух сделок — по предоставлению кредита потребителю и покупке последним в собственность товара длительного пользования. Если же потребитель соглашается приобрести товар длительного пользования в собственность, то фактическим кредитором оказывается он. В данном случае такой же результат может быть получен при помощи двух взаимоувязанных сделок: предоставление кредита потребителем производителю при передаче последним товара длительного пользования в аренду (в обоих вариантах поставки по обслуживанию кредита погашаются поставками в счёт арендных обязательств).

Разумеется, мы пока просто трансформировали «проблему инвестирования» в «проблему кредитования». Однако такая трансформация не является «переливанием из пустого в порожнее». Дело в том, что в нашем распоряжении имеется возможность построить модель, позволяющую определить величину чистого кредита, в предоставлении (получении) которого будет заинтересован каждый экономический агент при различных значениях меновой ценности услуг капитального блага, его товарной меновой ценности и процентной ставки (Неки-

пелов, 2021а, с. 16). Важнейший вывод из этой модели состоит в том, что оптимальное значение предоставляемого (привлекаемого) кредита имеет место тогда, когда отношение товарной меновой ценности по каждому благу длительного пользования к относительной предельной оценке его услуг равняется сумме дисконтов за время его функционирования:

$$\frac{EV_K}{MRS'_{1/K}} = S, \quad (16)$$

где $MRS'_{1/K}$ – предельная норма замещения услуг капитального товара товаром-счётчиком, $S = \sum_{t=1}^T \frac{1}{(1+r)^t}$ – сумма дисконтов за T периодов, в течение которых оказывает услуги «капитальное благо» (r – процентная ставка за период, t – номер периода).

Поскольку в равновесном положении относительная предельная оценка услуг товаров длительного пользования $MRS'_{1/K}$ равняется меновой ценности этих услуг EV'_K , постольку соотношение двух меновых ценностей таких товаров – EV_K и EV'_K – однозначно определяет величину S , а следовательно, и равновесной процентной ставки.

Равновесные уровни меновых ценностей отдельных благ, меновых ценностей услуг благ длительного пользования, их товарных меновых ценностей и процентной ставки **формируются одновременно** друг с другом. Однако **логическая последовательность**, как свидетельствует проведённый анализ, представлена цепочкой: меновые ценности товаров разового пользования и меновые ценности услуг товаров длительного пользования – товарные меновые ценности продукции длительного пользования – процентная ставка. Разумеется, в текущем плане могут наблюдаться неравновесные уровни этих важнейших показателей, однако важно, что при этом в действие вступают силы, направленные на приведение экономической системы в состояние общего равновесия.

Таким образом, развёртывание общественного разделения труда, связанное с превращением в товар продукции длительного пользования, неизбежно сопровождается не только обычным (текущим) обменом, как это имеет место в случае благ разового потребления, но и кредитными сделками, обслуживающими про-

исходящий одновременно с ними трансвременной обмен. Общая величина кредитных потоков оказывается производной от суммарной меновой ценности произведённых товаров длительного пользования, а текущая и трансвременная меновые ценности товаров длительного пользования являются логически первичными по отношению к процентной ставке. Механизм прямых и обратных связей между процентной ставкой, производством и, соответственно, кредитом, текущей и трансвременной меновыми ценностями обеспечивает достижение равновесного состояния.

Общее равновесие в простой меновой экономике

Общие изменения, связанные с превращением производства в эндогенный фактор модели меновой экономики

В условиях общественного разделения труда определённую модификацию претерпевает проблема общего равновесия. В рамках чистой торговли, как показал ещё Л. Вальрас (Walras, 1874), его важнейшей характеристикой являлось равенство относительных предельных оценок всех благ у всех экономических агентов их общественным меновым ценностям, выраженным через меновую ценность товара-счётчика. Этого требования оказывается недостаточно для экономической системы, участники которой являются не только потребителями, но и производителями. В такой ситуации принципиально важно, чтобы каждый производитель специализировался на том виде деятельности, в котором у него имеется сравнительное преимущество.

Вторая важнейшая особенность общего равновесия в условиях, когда производство становится её эндогенным фактором, связана с необходимостью принять во внимание возможность существования ограниченных природных ресурсов. Анализ влияния этого свойства, которое может быть присуще большему или меньшему количеству ресурсов, на принятие экономических решений начат ещё в рамках «модели робинзонады» (Некипелов, 2019б). Было показано, что в оптимальном положении предельная отдача времени, выделяемого на те виды производства, где используются такие ресурсы, будет выше, чем в остальных видах деятельности. Данное обстоятельство специфическим образом проявляется в условиях простого менового хозяйства.

Наличие ограниченных ресурсов приводит к нарушению второго из упомянутых выше условий общего равновесия — возможности для каждого экономического агента выбирать тот вид деятельности, который обеспечивает наибольшую отдачу от прилагаемых трудовых усилий. Возникает естественный вопрос: может ли в таких условиях быть обеспечен доступ к ограниченным ресурсам в формах, не противоречащих базовым условиям рыночной экономики?

Ответ на этот вопрос давно известен экономической теории (см., например, (Ricardo, 1817; Маркс, 1961)). Решение проблемы связано с возникновением института собственности на землю и, соответственно, появлением фигуры собственника природных ресурсов. В результате этого доступ к ресурсам становится платным, а величина соответствующих платежей формируется в ходе взаимодействия собственников и потенциальных пользователей ресурсов и устанавливается на уровне, при котором производство продукции с использованием редких ресурсов оказывается равным обществу спросу на такую продукцию.

Плата за доступ к ограниченным природным ресурсам, являющаяся экономической формой реализации собственности на землю, получила, как известно, название природной ренты. С учётом того, что одноимённые природные ресурсы могут отличаться друг от друга в качественном отношении, необходимым становится проведение различия между абсолютной и дифференциальной природной рентой. Первая представляет величину платы за доступ к наихудшим по качеству природным ресурсам, использование которых является предпосылкой достижения рыночного равновесия; вторая характеризует величину «премии», которой наделяет рынок владельцев природных ресурсов более высокого качества.

Особо следует остановиться на анализе механизма формирования товарной меновой ценности у природных средств труда (земли). Дело в том, что подход с позиции сравнительных издержек, который использовался при построении функции предложения средств труда, являющихся продуктом человеческой деятельности, здесь не может быть применён. Поэтому оказывается, что возникновение сделок, сопровождающихся сменой собственника у природ-

ного средства труда, оказывается логически возможным только тогда, когда в экономической системе уже сформировались условия для кредитных отношений и действует механизм формирования процентной ставки. В этом случае мы естественным образом приходим к известному выводу о том, что величина цены (у нас — товарной меновой ценности земли) определяется посредством капитализации потока рентных платежей (у нас — меновой ценности рентных поставок). Иными словами, товарная меновая ценность земли оказывается производной не только от её факторной меновой ценности (ренты), но и от процентной ставки.

Роль фактора неопределённости

В условиях «робинзонады» возможные отклонения результатов производственной деятельности от тех, которые были запланированы экономическим агентом, объяснялись прежде всего непредсказуемостью состояний окружающей его природной среды. При переходе к исследованию простой меновой экономики проблематика неопределённости претерпевает известную модификацию. Здесь на передний план выходит невозможность для экономического агента точно предвидеть поведение других участников хозяйственной жизни. Становится ясным, что неопределённость и связанные с ней риски являются чертой, внутренне присущей рыночной экономике⁷.

Экономическому агенту, не обладающему всей полнотой информации, неизбежно приходится сталкиваться с риском изменения пропорций обмена (как текущего, так и трансвременного). Каким образом такого рода риски влияют на поведение субъекта рыночной экономики, в частности на устанавливаемую им величину выпуска, хорошо описано в стандартных курсах по микроэкономике. Здесь, с учётом особенностей простой меновой экономики (индивидуальный характер производственной деятельности и связанная с этим специфика мотивации экономических агентов, натуральный характер обмена), необходима лишь небольшая и носящая рутинный характер корректировка соответствующего модельного аппарата.

⁷ Это означает, что, когда мы анализируем ситуацию в условиях определённости — а это вполне оправданный приём, то мы, строго говоря, выходим за рамки данной хозяйственной системы.

Новое – после модели робинзонады – обращение к проблематике неопределённости хозяйственной деятельности позволяет расширить представление не только о сферах её проявления, но и о возможностях адаптации к рискам, появляющимся у экономических агентов в условиях простой меновой экономики. К формированию запасов, являвшемуся для изолированного хозяйствующего субъекта единственным инструментом снижения рисков, добавляется диверсификация выпускаемой продукции: ведь в этом случае неблагоприятная динамика пропорций обмена по одному из благ может компенсироваться выгодными изменениями меновой ценности других благ.

Очевидно также, что обстановка неопределённости, свойственная меновой экономике, влияя на поведение экономических агентов, непосредственно сказывается на конкретных параметрах состояния общего равновесия.

О пространственном измерении простой меновой экономики

Классический формат исследования проблем общего равновесия традиционно обходит стороной вопрос о роли пространственного фактора⁸. Это дало основание известному американскому учёному в области региональной экономики У. Айзарду констатировать, что соответствующие модели, в сущности, описывают «мир одной точки» (one-point world) (Isard, 1956, p. 26). Вряд ли такое положение дел можно признать нормальным для общей экономической теории: ведь пространство, как и время, задает систему координат, в которой протекает вся экономическая деятельность, поэтому пренебрежение пространственной проблематикой, которое М. Блауг охарактеризовал как «одну из великих загадок в развитии экономической науки» (Блауг, 1994, с. 58), наносит серьёзный урон её целостности.

Пространственное измерение экономической системы проявляется уже при анализе модели робинзонады. В (Некипелов, 2019б) была сформулирована модель выбора изолирован-

ным экономическим агентом оптимального места проживания с учётом расположения используемых им в трудовой деятельности природных ресурсов. В условиях простого менового хозяйства, основанного на общественном разделении труда, пространственная проблема многократно усложняется: теперь влияние на решение каждого хозяйствующего субъекта оказывают не только особенности расположения природных ресурсов, но и места расположения остальных членов сообщества. Не случайно проблемы начинают возникать уже при попытке определиться в том, от какой модели следует отталкиваться в анализе роли пространственного фактора в условиях общественного разделения труда.

Для общей экономической теории вполне естественно опираться на представление об «идеальном пространстве (государстве)» фон Тюнена (Thünen, 1895). Но и здесь возникает важный вопрос: сколь однородной должна быть такая территория? Иными словами, предполагаем ли мы, что это качество касается не только рельефа и климатических условий, но и размещения природных ресурсов? Проблема здесь в том, что допущение об абсолютно равномерном распределении ресурсов на рассматриваемой территории автоматически приведёт нас к выводу, что любая точка такого пространства подходит для размещения всех производителей.

В связи с этим мы сразу же наталкиваемся на следующий вопрос. Правомерно ли допускать возможность «точечного» расположения в пространстве природных ресурсов и экономических агентов, то есть фактически считать, что их локализация не требует никакой земельной площади. Отрицательный ответ, конечно, полностью соответствует реальному положению дел, но одновременно порождает трудноразрешимые проблемы, связанные с необходимостью введения в ходе абстрактного анализа, характерного для общей теории, предположений о той площади, которую занимают различные природные объекты и экономические агенты. В этом смысле допущение о «точечном» размещении представляется весьма привлекательным. Но как быть с теми видами деятельности,

⁸ Характерно, что в фундаментальной монографии (Katzner, 2006), написанной с позиций вальрасовской теории общего равновесия, эта проблематика полностью обходится стороной.

например земледелием, в которых площадь используемой земли является ключевой характеристикой основного фактора производства для соответствующей сферы деятельности?⁹

В отношении территории возникает также вопрос о том, должны ли мы с самого начала как-то ограничивать её или нет. «Идеальное государство» фон Тюнена, как известно, представляло собой круг с центральным городом. Но, быть может, если исходить из фиксированного положения в пространстве природных ресурсов, необходимых для производственной деятельности, такого рода ограничение и не требуется. В таком случае задача будет заключаться не в том, чтобы показать, каким образом экономические агенты расположатся на заданной территории, а в том, чтобы выявить границы территории, на которой будет проживать и вести производственную деятельность интересующее нас сообщество людей. Достоинство такого подхода состоит в том, что он может помочь выявить как силы, действующие в сторону сосредоточения населения на определённой территории, так и силы, направленные на разрушение обособленности отдельных сообществ людей.

Но дело, конечно, не только в этих сугубо пространственных проблемах. С экономической точки зрения основным изменением, связанным с включением пространственного фактора в анализ, выступает появление транспортных издержек, сопровождающих перемещение грузов между производителями и потребителями. Последствия данного обстоятельства весьма многообразны.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что серьёзной модификации в этих условиях подвергается механизм сравнительных преимуществ: транспортные затраты увеличивают «окольные» (альтернативные) издержки получаемых через обмен благ, а потому выступают в качестве силы, сдерживающей развитие обще-

ственного разделения труда¹⁰. Именно это обстоятельство позволяет говорить о существовании, при заданном уровне технологического развития, экономически рациональных границ территории для ведения хозяйственной деятельности, основанной на имеющихся природных ресурсах.

Самого серьёзного внимания заслуживает то обстоятельство, что в силу различного положения в пространстве «финальная» (с учётом транспортных издержек) меновая ценность одноимённых товаров не будет совпадать у различных потребителей¹¹. Более того, практически неизбежным является такое положение дел, когда отдельным потребителям придётся приобретать нужное для них благо у различных производителей. А это означает, что «финальная меновая ценность» одного и того же товара, получаемого от находящихся на неодинаковом удалении производителей, будет различной.

Наконец, необходимо иметь в виду, что результаты анализа в существенной степени будут зависеть от допущений институционального характера. По всей видимости, на первом этапе разумно исходить из того, что экономические агенты обладают всей полнотой информации, касающейся и их производственных возможностей, и их систем индивидуальных

¹⁰ Таким образом, выявляется третья причина, позволяющая объяснить, почему специализация производителя, как правило, не носит абсолютный характер, то есть не сводится к осуществлению одной-единственной технологической операции. Первая состоит в возможной динамике сравнительных преимуществ у двух и более товаров, вторая связана с упомянутым выше в тексте влиянием фактора неопределённости.

¹¹ М. Блауг фактически делает из этого вывод о том, что учёт пространственного фактора «убивает» совершенную конкуренцию: «Классическая теория размещения производства основывается на предпосылках совершенной конкуренции; но если фирмы конкурируют между собой в пространстве, используя цены ФОБ, то это означает, что они действуют в условиях монополистической, а не совершенной конкуренции». Последствия такого положения дел, с его точки зрения, весьма серьёзны: «К сожалению, теория монополистической конкуренции может предложить очень мало однозначных выводов о поведении фирмы; и даже в наше время среди экономистов трудно найти единомышленников по вопросу о том, что же следует из моделей пространственной дифференциации, выдвигаемых теорией монополистической конкуренции» (Блауг, 1994, с. 582–583).

⁹ Столкнувшись с этой проблемой, фон Тюнен (Thünen, 1895) нашёл вполне разумное решение, сочетающее «точечную» и «пространственную» локализацию экономических агентов. В его модели, как известно, город, в котором сосредоточены все потребители, находится в центральной точке круга, а земледельцы занимают всю его площадь.

предпочтений, а также способностью делать из этой информации точные выводы. На основе исследования такой модели можно прийти к важным выводам, касающимся роли пространственного фактора в формировании общего равновесия в условиях полного отсутствия «трения», сопровождающего процесс формирования товарных потоков между членами общества. В свою очередь отказ на втором этапе исследования от упомянутого допущения об абсолютной рациональности экономических агентов даст возможность обосновать причины возникновения локализованного в пространстве рынка (так называемого marketplace), в рамках которого происходит непосредственное взаимодействие производителей и потребителей. Именно тогда станет возможным и введение в анализ такой важной экономической категории, как рента по местоположению.

Специальное исследование особенностей формирования общего равновесия с учётом пространственного измерения экономической системы выходит за рамки предмета настоящей статьи. Вместе с тем здесь представлялось совершенно необходимым привлечь внимание к важности введения в анализ этого фактора уже на стадии простой меновой экономики.

Общественное разделение труда и целевая функция индивидуального товаропроизводителя

Формирование меновой экономики, ограниченность отдельных видов природных ресурсов, превращение в товары предметов и средств труда имеют в качестве одного из следствий трансформацию целевой функции субъекта экономической деятельности. Обобщим происходящие в этом отношении изменения.

Естественное стремление изолированного экономического агента — Робинзона — состояло в том, чтобы максимизировать собственную функцию полезности в условиях ограничений, задаваемых как продолжительностью рассматриваемого периода, так и имеющимися в его распоряжении материальными факторами производства.

Возникновение отношений обмена, а в дальнейшем и развитие общественного разделения труда между прежде изолированными экономическими агентами приводят к извест-

ному изменению ситуации. Конечно, каждый субъект хозяйственной деятельности и в этих условиях заинтересован в максимизации собственного благосостояния. Однако теперь условием решения задачи становится выбор такой производственной программы, которая обеспечивает получение продукта с максимальной чистой меновой ценностью. Величину последней экономической агент ассоциирует со своим трудовым вкладом в результаты производственной деятельности.

При всех условиях (о них речь пойдёт ниже) нахождение такой производственной программы осуществляется в два этапа. На первом производитель рассчитывает чистую меновую ценность, которую имеет возможность получить в случае специализации на выпуске каждого из существующих товаров. На втором — определяет ту сферу деятельности, в которой при сложившихся на рынке меновых ценностях товаров отношение его затрат труда к чистой меновой ценности является минимальным. Соответствующий товар (или любой из ряда товаров — если минимальный уровень соответствующего показателя характерен для каждого из них) и должен быть выбран в качестве объекта специализации.

В условиях, когда объектом разделения труда являются исключительно потребительские блага и услуги, природные ресурсы — неограниченными, а средства труда отсутствуют, величина чистой меновой ценности совпадает с (валовой) меновой ценностью произведённого продукта, и именно с этой величиной должны соотноситься трудовые усилия производителя.

Наличие ограниченных природных ресурсов приводит к появлению первого элемента экономических издержек — меновой ценности предоставляемых ими услуг (рентных поставок). Последние представляют собой фактические текущие издержки для экономических агентов, использующих в производстве не принадлежащие им редкие ресурсы, и альтернативные издержки — для ведущих самостоятельное производство собственников этих естественных факторов производства. В обоих случаях подлежащая максимизации чистая меновая ценность, которую производитель ассоциирует с

собственным трудовым вкладом, будет выражаться формулой (17).

$$NEV_i = TEV_i - \sum_j Rent_j \cdot Z_j = TEV_i - Rent, (17)$$

где NEV_i – чистая меновая ценность товара i , TEV_i – общая меновая ценность товара i , $Rent_j$ – меновая ценность рентных поставок за право доступа на единичный отрезок времени к единице ресурса j , Z_j – количество ресурса j , необходимого для производителя товара i , $Rent$ – общая меновая ценность поставок в счёт рентных платежей.

Ситуация претерпевает дальнейшие изменения, когда объектом обмена становятся предметы труда. В этих условиях из общей меновой ценности производимых благ наряду с рентой необходимо вычесть меновую ценность предметов труда, приобретённых посредством обмена и использованных в производстве. Соответственно, затраты на приобретение предметов труда становятся вторым элементом текущих экономических издержек.

Превращение средств труда в объект общественного разделения труда ведёт к дальнейшей модификации целевой функции индивидуального производителя. Теперь в состав экономических издержек должна быть включена нормальная отдача на физический капитал, соответствующая меновой ценности услуг применяемых средств труда (меновая ценность лизинговых поставок при аренде соответствующих факторов производства). Этот элемент экономических издержек, в свою очередь, распадается на две части – процентную отдачу средств труда и амортизацию:

$$\begin{aligned} \sum_i KY_i &= \sum_i (r \cdot K_i \cdot EV_{K_i} + A_i \cdot K_i) = \\ &= \sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i), \end{aligned} (18)$$

где KY_i – нормальная отдача i -го средства труда, r – процентная ставка, EV_{K_i} – товарная меновая ценность i -го средства труда, A_i – ставка амортизации на единицу средства труда.

Чистая меновая ценность, с которой производитель ассоциирует свой трудовой вклад, теперь определяется по каждому виду деятельности формулой (13), в которой нормальная отдача средств труда ($x'_K \cdot EV'_K$) может быть

представлена, как это вытекает из формулы (18), выражением $\sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i)$.

Метаморфозы, претерпеваемые по мере развития общественного разделения труда целевой функцией индивидуального экономического агента, проецируются на структуру меновой ценности произведённого продукта. В конечном счёте меновая ценность единицы любого товара распадается на части, каждая из которых ассоциируется с вкладом соответствующего фактора производства: меновая ценность рентных поставок $\frac{Rent}{Y}$ – с вкладом природных факторов производства, меновая ценность использованных в производстве предметов труда $\frac{RMC}{Y}$ и нормальная отдача средств труда $\frac{\sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i)}{Y}$ – с вкладом физического капитала, а остаточная (чистая) меновая ценность $\frac{LY}{Y}$ – с вкладом труда¹².

Выводы

Представленный в статье материал является одним из результатов усилий, направленных на построение такого интеллектуального макета рыночной экономической системы, который не только отражал бы совокупность сложившихся функциональных зависимостей между различными её параметрами и описывал состояние институциональной среды на определённый момент времени, но и давал представление об обогащении содержания экономических понятий по мере перехода от простых форм изучаемого объекта ко всё более сложным. Такой подход призван решить не только проблемы логического характера, с которыми сталкивается эмпирическая экономическая наука, но и преодолеть её статичный характер (Некипелов, 2019а). Задача, следовательно, состоит не в отбрасывании накопленных в ходе развития нашей науки знаний, а, прежде всего, в их реформатировании в соответствии с принципами «чистой теории».

Превращение производства из экзогенного в эндогенный фактор меновой экономики,

¹² $LY = TEV - TEC$, то есть величина чистой меновой ценности, ассоциирующейся с трудовым вкладом производителя, является разностью валовой меновой ценности TEV произведённого продукта и общих экономических издержек TEC .

участниками которой являются индивидуальные субъекты хозяйственной деятельности, становится важным шагом на этом пути. Обмен по-прежнему носит натуральный характер, но возникает возможность для учёта действия сил, приводящих к развитию общественного разделения труда. Последнее придаёт систематический характер отношениям обмена и, в этом смысле, переводит хозяйственную систему в новое состояние. Показательно, с точки зрения тезиса о переформатировании экономических знаний, что инструментом, позволяющим обосновать возникновение общественного разделения труда, оказывается теория сравнительных издержек (преимуществ) Торренса — Рикардо, разработанная и используемая до настоящего времени для решения более конкретной задачи — демонстрации выгод от международной торговли для стран с разными уровнями развития.

Важно не только увидеть причины специализации производителей, но и выявить динамику этого процесса. Такая постановка вопроса подталкивает к тому, чтобы обратиться к вопросу о технологической организации экономики, а на этой основе — к поиску границы между разделением производственных функций, выполняемых индивидуальным экономическим агентом, и разделением труда в обществе. В статье показано, что эта граница в условиях простой меновой экономики будет стремиться к такому положению, при котором предельные выгоды от усиления специализации индивидуального производителя будут равны предельным издержкам, сопровождающим процесс. Разумеется, указанный вывод созвучен выводу Р. Коуза в отношении вопроса о границе между внутрифирменным и общественным разделением труда. Однако он сделан применительно к более простой экономической системе и при ином «наполнении» общего принципа о равенстве предельных выгод предельным издержкам.

Происходящие прежде всего в силу совершенствования производственных процессов сдвиги в границе между разделением функций, реализуемых индивидуальным производителем, и общественным разделением труда определяют изменения в составе товарной массы. Первоначально объектами обмена становятся потребительские блага, в дальнейшем к ним

присоединяются предметы и средства труда. В результате меновая ценность товара, произведённого индивидуальным экономическим агентом, распадается на часть, которая компенсирует его текущие издержки, и часть, которая представляет его «трудовой доход» (чистую меновую ценность).

Особого внимания заслуживает данный в статье анализ последствий превращения в товар предметов потребления длительного пользования и средств труда. При анализе модели чистого обмена на примере потребительских благ длительного пользования было показано, что исходной формой вовлечения в оборот таких товаров является аренда, а не классический обмен, связанный со сменой права собственности на соответствующие блага. Такие товары могут предоставляться в кредит, но при этом меновая ценность поставок в счёт обслуживания кредита определяется меновой ценностью услуг соответствующих благ, а не их «рыночной меновой ценностью». Результатом оказывалось отсутствие в условиях чистой торговли предпосылок для формирования рыночной меновой ценности «капитальных благ», с одной стороны, и процентной ставки, с другой (Некипелов, 2021б, с. 44).

Превращение производства в эндогенный фактор модели приводит в этом отношении к важным изменениям: затраты на производство товаров длительного пользования становятся основой для их «рыночной меновой ценности», а наличие двух меновых ценностей у таких товаров (текущей и трансвременной) — рыночной процентной ставки. В силу последнего обстоятельства появляется возможность представления отдачи на средства труда, используемые в производстве индивидуальным производителем, в виде части, компенсирующей их «рыночную меновую ценность», и части, соответствующей процентному доходу¹³.

¹³ Этот вывод не столь тривиален, как может показаться на первый взгляд. Среди экономистов-теоретиков, и отнюдь не только сторонников марксизма, весьма распространённым было представление о том, что в условиях примитивной экономики, аналогичной той, которую мы назвали простой меновой экономикой, меновая ценность благ определяется исключительно затратами труда. «В этом случае, — писал А. Маршалл, — проблема стоимости очень проста. Вещи обмениваются друг на друга пропорционально труду, затрачиваемому на их производство» (Маршалл, 1993, с. 211).

Рассматриваемая модель меновой экономики позволяет обогатить наши представления о состоянии (состояниях) общего равновесия. Теперь, когда производство стало внутренним условием модели, мы получаем возможность ввести в анализ фактор ограниченности ресурсов и показать, что формирование собственности на такие ресурсы является необходимой предпосылкой для нормального функционирования рыночного механизма. В результате естественным образом в понятийный аппарат входят понятия абсолютной и дифференциальной ренты, становится ясной специфика механизма формирования «рыночной меновой ценности» земли. Появляется также возможность адаптировать к условиям рассматриваемой модели источники неопределённости экономической жизни, показать расширение (по сравнению с моделью робинзонады) инструментария, имеющегося у экономических агентов для снижения уровня рисков.

В статье подчёркивается важность для чистой экономической теории сделать полноценным предметом анализа пространственное измерение экономики, его влияние на параметры общего равновесия. Показаны серьёзные проблемы, стоящие на пути решения этой задачи, и высказаны соображения в отношении возможного подхода к формулированию исходной модели, позволяющей учитывать влияние пространства на общие параметры экономической деятельности.

Пожалуй, основным результатом предпринятого исследования является целостное представление практически обо всех ключевых категориях (пусть и в зародышевых формах), отражающих действие рыночного механизма. Правомерен вопрос: неужели автор действительно полагает, что столь примитивная, основанная на индивидуальном труде экономическая система, в которой отсутствует важнейший инструмент рыночной экономики — деньги, может обеспечить глубокое общественное разделение труда, многосторонне балансируемый натуральный обмен товарами, развитые арендные и кредитные отношения? Ответ может быть только один: конечно, нет! Но, с точки зрения чистой экономической теории, это не имеет никакого значения. Ведь результаты исследования свидетельствуют не более чем о тех потенциалах, которые можно (а потому и нужно!) обнаружить уже в простой меновой экономике. Понятна и основная причина, не позволяющая этим возможностям реализоваться в сколь угодно зрелой форме — колоссальные транзакционные издержки, сопровождающие натуральный обмен. А отсюда — очевидный вывод: следующий этап исследования призван продемонстрировать, могут ли эти транзакционные издержки быть кардинальным образом уменьшены и если могут, то какими будут последствия соответствующих изменений для экономической системы в целом? Несложно догадаться, что такой ступенькой исследования должна стать денежная экономика, основанная на индивидуальном труде.

Литература

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Маркс К. Капитал (1961) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Государственное издательство политической литературы. М. Т. 23.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Т. II. М.: Прогресс, Универс.
- Некипелов А. (2019а). Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. Т. 89. № 1. С. 24–37.
- Некипелов А. (2019б). Модель робинзонады как исходный пункт чистой экономической теории // Экономика и математические методы. Т. 55. № 3. С. 5–20.
- Некипелов А. (2021а). К теории кредита и процентной ставки // Экономика и математические методы. Т. 57. № 2. С. 5–20.
- Некипелов А. (2021б). От робинзонады к экономике чистого обмена // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 33–48.
- Coase R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4(16), 386–405
- Isard W. (1956). *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade and Urban Structure*. Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press.

- Katzner D.W. (2006). *An Introduction to the Economic Theory of Market Behavior. Microeconomics from a Walrasian Perspective*. Chaltenham, UK. Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Thünen von J.H. (1895). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Berlin: Hempel and Parey.
- Torrens R. (1808). *The Economists Refuted and Other Early Economic Writings (1984 ed.)*. New York: Kelley.
- Ricardo D. (1817). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. London: John Murray.
- Walras L. (1874). *Éléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale*. L. Corbaz & cie.

Сведения об авторе

Александр Дмитриевич Некипелов – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор (декан), Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: nekipelov@mse-msu.ru)

Nekipelov A.D.

Production and Circulation in a Simple Exchange Economy

Abstract. The article is methodological: it does not seek to analyze new economic phenomena; rather, its major aim is to study how these phenomena were formed and developed and how the market system was formed and developed with them. The actual subject of the study is a simple exchange economy model at the stage when production begins to be considered as its endogenous factor. This makes it possible to smoothly introduce the social division of labor into the analysis, to consider in the simplest form its combination with the differentiation of production functions in the framework of an individual household. We pay considerable attention to the analysis of socio-economic implications of the deepening of the social division of labor manifested in the transformation of the production of objects and means of labor into its independent links. We show why at this very stage of the study it becomes possible to provide a well-grounded substantiation for the mechanisms that form the market exchange value of consumer durables and means of labor, and, as a consequence, the interest rate. The introduction of the resource limitation factor into the analysis makes it possible to substantiate the need for the institution of ownership of such resources, the importance of absolute and differential natural rent for the normal functioning of the market economy, and to identify the specifics of formation of the market exchange value of land. We emphasize the importance of making the spatial dimension of the economy a full-fledged subject of analysis for pure economic theory. We touch upon a possible approach to the formulation of an initial model that would take into account the influence of space on the general parameters of economic activity. The main conclusion is that the model of a simple exchange economy helps to form a holistic view of all key categories (albeit in embryonic forms) reflecting the action of the market mechanism. At the same time, it becomes clear why further institutional transformations are required to realize all the potentials available in this form of economic activity organization.

Key words: simple exchange economy, social division of labor, comparative advantages, spatial dimension of general equilibrium, natural rent, interest rate, target function of individual producer.

Information about the Author

Aleksandr D. Nekipelov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, director (dean), Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory Street, building 61, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: nekipelov@mse-msu.ru)

Статья поступила 21.02.2022.